Глава 1.8

Ее халат предпочел продемонстрировать ему самую идеальную задницу, которую он когда-либо видел. Округлое и упругое платье подчеркивало ее узкую талию ровно настолько, чтобы быть в высшей степени женственным, но не настолько, чтобы быть непристойным. Майкл мало что понимал в искусстве, но эта задница, одетая в атласные белые трусики с кружевной отделкой, была поистине произведением искусства.

Скрип лестницы в коридоре вернул Майкла на землю с глухим стуком в животе. Какое возможное объяснение могло быть у него тому, что он стоял над своей спящей матерью, приподняв одеяло и уставившись на ее изящную, восхитительную и заслуживающую поклонения задницу? Он бросил одеяло и повернулся к главной ванной, а затем передумал и бросился к шкафу с одеждой своей матери, проскользнул внутрь и почти полностью закрыл дверцу. Выглянув в узкую щель, он увидел, что дверь открылась и в спальню вошел его отец. Поскольку свет все еще горел, Майкл мог ясно видеть лицо своего отца, когда он смотрел на Эллен, лежащую в их постели. Он не был уверен, что и думать о взгляде, которым наградил ее его отец, но было достаточно ясно, что это не было любовью или привязанностью.

Его отец потянулся, выключил свет и закрыл дверь спальни, а потом зашаркал в темноте, скрываясь из поля зрения Майкла. Майкл чувствовал себя идиотом, стоя в шкафу, но это чувство вскоре уступило место панике, когда он услышал, как его отец расстегивает ремень и спускает брюки, а также скрип матраса.

«Он же не собирается сходить в ванную перед тем, как лечь в постель? Он же не будет чистить зубы? Я что, собираюсь стоять здесь, пока он не ляжет спать? Черт. Черт. Черт. Черт. ЧЕРТ!»

Майкл размышлял, сколько стоит билет в один конец в Мексику, когда снова услышал скрип кровати, а вскоре после этого закрылась дверь ванной. Не желая упускать свою возможность, он выскочил из шкафа, распахнул дверь спальни и выбежал в коридор. Это заняло всего две секунды, но его сердце колотилось так, словно он пробежал марафон. Чувствуя себя в относительной безопасности в коридоре, он не торопился закрывать за собой дверь, не желая тревожить отца слишком громким скрипом петель или щелчком защелки. Дверь была почти закрыта, когда он услышал приглушенный шепот мамы:

- Спокойной ночи, милый.

***

Напряженный график занятий в среду означал, что Майкл не увидит свою маму, пока она не вернется домой с урока танцев. Он мельком подумал, не пропустить ли одно-два занятия, чтобы проводить ее и убедиться, что она больше не наденет эти нелепые, но сексуальные красные туфли, но передумал. Она была бы зла на него не только за то, что он прогуливал занятия, но и за то, что он указывал ей, как одеваться. Итак, он обнаружил, что послушно слушает множество лекций, все время думая о своей маме и ее соблазнительных бедрах, стройной заднице и шелковистых белых трусиках. Ему было интересно, что она одета и что он мог бы заметить, массируя ее ножки.

Он также подумал о последствиях «спокойной ночи, милый», которые услышал, закрывая дверь предыдущей ночью. Очевидно, она не спала, как он предполагал, иначе она не знала бы, что он прятался в ее шкафу или бежал, чтобы скрыться пять минут спустя. Что, по ее мнению, он делал, когда держал одеяло над ее телом в течение, теперь казавшегося бесконечно долгим, времени? Знала ли она, что ее соблазнительная задница была выставлена на всеобщее

обозрение? Ее устраивало, что он смотрел? Или она ничего не знала, пока, проснувшись сегодня утром, не обнаружила, что ее халат в беспорядке, и, сложив два и два, не обнаружила, что ее сын извращенец?

Излишне говорить, что лекции были в значительной степени фоновым белым шумом, пока все эти вопросы грохотали у него в голове.

Когда он вернулся домой в тот вечер, в доме было темно, а пикапа его отца не было на подъездной дорожке. Проверяя свои сообщения, он нашел одно, в котором говорилось, что он остался на ужин один. Текст показался Майклу немного странным, но он почувствовал облегчение, что ему не придется искать предлог, чтобы не смотреть спорт или полицейское шоу со своим отцом. Он зашел внутрь, включил несколько ламп и направился на кухню.

Он обнаружил, что слишком взвинчен, чтобы иметь аппетит. Каждый раз, когда он думал о своей маме, его сердце совершало сальто назад, но было ли это от волнения или страха, он понятия не имел. Он расхаживал по кухне, одним глазом поглядывая на часы, пытаясь точно вспомнить, во сколько она вернулась домой в понедельник, и останавливался примерно через каждый третий круг, чтобы открыть холодильник, заглянуть внутрь и уйти с пустыми руками.

В 21:05 дверь гаража с грохотом ожила, и Майкл перестал ходить. Он почувствовал панику, ладони у него вспотели, а ноги дрожали. Впервые в своей жизни он не знал, как поздороваться с собственной матерью. Не сумев придумать ничего лучшего, он решил сделать именно то, что сделал в понедельник. Он побежал в гостиную, чтобы достать книгу из рюкзака, и бросился обратно к кухонному столу. Открыв книгу наугад, он обнаружил, что смотрит на главу, посвященную фрейдистскому анализу, когда вошла его мать.

- Привет, мам, - он изо всех сил старался говорить непринужденно, но его голос дрогнул, как будто ему было тринадцать...

- Привет, Майкл, - сказала она в ответ, бросая сумочку на стойку. - Ты в порядке?

- Да, просто хочу пить, - ответил он наполовину правдиво. - Как насчет тебя, как твои ноги?

- Лучше, чем в прошлый раз, но даже с этим, - она подняла ногу, обутую в теннисную туфлю, - мне все еще кажется, что у меня пара волдырей.

- Ну, мы знаем, что с этим делать. Ты хотела сначала поесть?

- Я что-нибудь разогрею, пока ты все собираешь. Я могу поесть, пока мои ноги отмокают.

Майклу потребовалось вдвое меньше времени, чтобы навести порядок в гостиной, теперь, когда он знал, где что лежит, и снять обувь и носки матери было проще простого по сравнению с прошлым разом. Он внимательно осмотрел ее босые ноги, прежде чем дать им отмокнуть.

- Да, у тебя появилось два или три новых волдыря, в основном на пятках, и несколько горячих точек, за которыми нам следует присматривать, - сказал он, опуская ее ноги в таз. Он рассеянно поглаживал ее ногу над водой, наблюдая, как она ест.

Эллен остановилась, не донеся вилку с макаронами до рта, и посмотрела на него, нахмурив брови...

- Майкл, - сказала она тихо, но строго, многозначительно глядя на руку, которая скользнула под юбку к колену...

http://tl.rulate.ru/book/4015/109872